

«История ветхозаветного Ионы» в композиционной структуре
романа Стивена Кинга «Мертвая зона».

Галина Шовкопляс

Киевский университет имени Бориса Гринченко

И было слово Господне к Ионе, сыну
Амафеину: «Встань и иди в Ниневию -
город великий и проповедуй в нем, ибо
злодеяния его дошли до Меня».

Быт.10,11. Иона 3,3.

Книги Стивена Кинга долгое время почти автоматически относили к массовой литературе в ее классическом противопоставлении литературе «высокой», пока не обнаружили, что «король ужасов» не так прост, как полагалось бы автору массовой литературы. Сетевой публицист Андрей Чемоданов начинает работу «Исследование творчества Стивена Кинга» утверждением: «Творчество Стивена Кинга лежит, безусловно, в области массовой литературы с ее спецификой и особой системой отношений с другими типами литературы».[1]. Однако после столь безапелляционного утверждения исследователь пускается в рассуждения о том, что «берлинская стена» между «большой литературой» и массовой литературой уже подрыта с обеих сторон.

Принцип Стивена Кинга - «у меня много важных мыслей, и я хочу, чтобы с ними познакомилось как можно больше людей», его дерзкие слова на церемонии вручения премии Национального книжного фонда (2003) «За вклад в национальную литературу» о том, что книги пишутся для людей, а не для абстрактных принципов, в сочетании с огромными тиражами его книг и бешеной популярностью во всем мире производят двойственное впечатление: «Чтобы добиться такой сногшибательной популярности в нынешних США, нужно быть безоговорочно признанным и притом доступным сознанию большинства художником – сродни, например, замечательному фантасту Рэю

Бредбери, чья звезда не меркнет вот уже четвертое десятилетие – или очень ловким ремесленником от литературы, умеющим неизменно попадать в тон своей многомиллионной аудитории. Что же такое Стивен Кинг? К какому разряду его отнести?»[7]. В статье книжного обозревателя Бориса Невского о Стивене Кинге отмечена главная особенность творческого метода «великого и ужасного»: «Кинг не просто писал абстрактные ужасы. Он мастерски изображал жизнь современной Америки – особенно маленьких городов, которые он знал не понаслышке. Любой читатель мог вообразить себя на месте героев его книг – обывателей, столкнувшихся с ирреальным. Причем ужасными и смертоносными оказывались самые прозаичные вещи – вроде старой автомашины («Кристина») или милого сенбернара («Куджо»). Кингу удалось в буквальном смысле овеществить терзающие людей страхи, наделив их именами и лицами»[9].

Несомненно и другое - книги Кинга нравственны и дидактичны. Дидактичны в особом, почти забытом для современной литературе смысле, который отличал литературу классическую. Писатель абсолютно четко различает Добро и Зло, указывает и разъясняет читателю свою позицию. Никакого постмодернистского полицентризма с его нравственной магмой: художественный мир Кинга биполярен до наивной жестокости. Писатель не снижается до императивной оценки персонажей или ситуаций, но настойчиво подводит читателя к пониманию своей позиции. «Кинг отличается от большинства и еще одним, в высшей степени необыкновенным свойством: он, очевидно, верит в добро и любит людей. Он никогда не оставляет у читателя ощущения темной беспросветности – и он автор на редкость светлых любовных историй, так органично вплетенных в хоррор-романы, что без них сюжет, безусловно, много потерял бы», [3] - пишет почитатель таланта Кинга на сайте Кинг ру.

Гуманизм («верит в добро и любит людей») для писателя, работающего в жанре «романов ужаса», темного фэнтези и реалистического триллера, - свойство труднообъяснимое. Добавим, хоррор-романы Кинга достаточно литературно традиционны: они вобрали традиции всей линии развития англоязычного готического романа: «В определенной степени Кинг стал творческим наследником таких мастеров ужаса, как Говард Лавкрафт, Брэм Стокер и Альфред Хичкок»[9].

Популярность произведений Стивена Кинга объясняют по-разному. Наиболее упрощенным является провозглашение Кинга писателем для подростков, жаждущих адреналина: «Стыдно читать Кинга, когда окончил школу»[3]. Вразумительным представляется иное объяснение: «Кинга

занимают такие проблемы, которые безразличны большинству современных писателей. Совесть и память, чувство ответственности за поступки и желания, воля и рок, природа творчества и ответственность творца ..»[3]. Еще одно несомненное достоинство книг Кинга состоит в том, что несмотря на явную коммерческую ориентацию, они весьма добротны написаны : «Это не просто «чтиво», а литература, пусть и весьма специфическая»[9].

По словам уже упоминавшегося выше сетевого публициста Чемоданова, Стивен Кинг в Советском Союзе был обласкан как «обличитель». В этом качестве его произведения начали переводить и печатать. Первая рецензия на произведения Кинга была написана маститым советским исследователем англоязычной литературы В.В.Ивашевой и появилась в журнале «Современная художественная литература за рубежом» в 1981 году. Первый переведенный на русский язык роман Кинга «Мертвая зона» был опубликован в журнале «Иностранная литература» в 1983 году. Советские читатели жадно проглотили роман как «книгу про экстрасенса», явление в СССР таинственное и запретное .

Идеологически «Мертвая зона» устраивала коммунистический режим как обличение «их империалистических нравов»: история про попытку покушения на рвущегося к власти представителя реакционных кругов США.«...Грег Стилсон – зверь в человеческом облике, садист и убийца с задатками фашиста, стремящийся занять командные позиции в Вашингтоне, а впоследствии и пост президента», - пишет в книге «Новые черты реализма на Западе» Валентина Ивашева. [11,с. 175]). Довольны были все. Внимательное прочтение романа началось позже.

На сайте Кинг.ру указано, что материал для сюжета романа «Мертвая зона» был почерпнут Кингом из истории США: 10 сентября 1935 года в городке Батон – Руж , штат Луизиана был застрелен сенатор Хьюи Пирс Лонг, едва не установивший в США фашистскую диктатуру. На президентских выборах сенатор Лонг конкурировал с действующим президентом Теодором Рузвельтом. Предвыборная кампания Лонга была шумной и скандальной. Лонг не скрывал, что его кумиром является Муссолини. Правительство Рузвельта было серьезно обеспокоено возможностью победы Лонга. Убийцей сенатора Лонга оказался скромный провинциальный врач , 29- летний Карл Вайс , не имевший никакого отношения к политике. Мотивы поступка Вайса так и остались неясными. Кроме того, Карл Вайс страдал сильной близорукостью и не отличался воинственностью. Охрана Лонга изрешетила убийцу пулями, а Лонг умер через двое суток - после неудачной операции по извлечению пули. Об этой истории написал в романе «У нас это невозможно»(1935) известный

американский писатель, лауреат нобелевской премии, автор «Боббита» и «Эрроусмита» Синклер Льюис.

Предположим, что Кинг использовал этот материал из сравнительно недавней истории США, позаимствовав его из романа Льюиса. Сам Кинг о таком заимствовании нигде не упоминает. Зато в своем автобиографическом произведении «Как писать книги» по поводу написания «Мертвой зоны» писатель замечает, что на мысль о непредсказуемости политика, который надевает маску «честного малого из народа и рубахи - парня», навела тактика предвыборной кампании Джесси Вентуры в борьбе за кресло губернатора штата Миннесота. В той же книге Кинг пишет, что «роман возник у меня из двух вопросов: может ли политический убийца быть прав? И если да, то можно ли сделать его главным героем? Положительным героем?»[4]. Вопрос о возможности политического убийцы быть положительным героем был риторическим для писателя. Знак вопроса был лишним. Героем, что типично для произведений Кинга, избирается «человек с соседней улицы», с которым читателю легче всего себя идентифицировать. Имя у положительного героя самое заурядное – Джон Смит : «Единственное, что его выделяет, - ограниченная способность видеть будущее..»[4]. Дендидуализация положительного героя, его почти анонимность несет дидактическую нагрузку: такая семантика имени – фамилии предполагает «человека вообще», любого человека, некоего Адама из маленького американского городка. Так заявлена задача : как должен поступать любой человек, оказавшийся в подобной ситуации?

Учитель старших классов Джон Смит имеет полный набор качеств, позволяющих называть его порядочным, нормальным, добрым человеком в любой стране мира. И вот этот порядочный, добрый, нормальный человек, выйдя из комы после тяжелой аварии, обнаруживает у себя необычный дар: Джон Смит получает дар «предвидеть будущее, но не как абсолютную данность, а как потенцию, наибольшую вероятность»[4]. Смит тяготится полученным «даром», его жизнь и без того непроста. Скандальная известность экстрасенса не прельщает Смита: попечительский совет колледжа против того, чтобы учителем у них работал некто, стяжающий сомнительную славу: «Только на ХРЕНА мне все это? Мне бы вернуться в Кливс - Милс учителем старших классов и жить себе в своей норке. И приберечь свои озарения для футбольных баталий.»[5, с.245].

В произведениях Кинга нет лишних и случайных слов – это замечено всеми читателями и критиками. А мать Джонни, Вера Смит уже произнесла имена ветхозаветных пророков, чьи истории лежат в подтексте

книги про «обыкновенного Смита»: «Ты ,верно, думаешь, что я сумасшедшая. Но это неважно. Ты узнаешь голос, когда он раздастся. Он скажет тебе, что надо делать. Он сказал Иеремии, и Даниилу, и Амосу, и Аврааму. Дойдет очередь и до тебя .И когда он скажет, исполни свой долг, Джонни.»[5,с. 130-131].

При первом прочтении «книги про экстрасенса» мать Джонни воспринимается как персонаж комический , почти негативный. Слишком восторженная, слишком многословная. «Вера, тише. Хвали Господа потише , пока ты в больнице»[5,с.86], - говорит ее муж. Близкие видят в фанатичной религиозности Веры болезнь, безумие. Однако имеются два факта, которые не дают нам воспринимать Веру как комический или негативный персонаж. Она была единственной, кто молился за выздоровление Джонни и верил в это выздоровление, когда он долгих пять лет пребывал в коме. Даже сверхсимпатичный отец Джонни, Герберт Смит просил Бога о даровании сыну смерти для облегчения его страданий, в чем он сознается Джонни: «Джон, ...никто ведь не верил, что ты очнешься. За исключением, конечно, твоей матери...Даже я сдался. Мне чертовски стыдно, но это правда»[5, с 137]. Бог дал матери Джона по вере ее.

Есть и второй безусловный факт – Джон любит свою мать. Его «бывшая девушка» Сэйра Брекнэлл об этом говорит: «По тому, как ты улыбнулся, я поняла, что ты ее любишь. От твоего отца я знаю, что она изменилась, но скорее всего это произошло от любви к тебе и от ее нежелания примириться с горем. Насколько я понимаю, ее вера была вознаграждена»[5, с.151].

Мать Джона – исключительная (сказано «за исключением, конечно, твоей матери»): она верующая и верная. В словаре С.С.Аверинцева «София – Логос» читаем: « ..во всех языках, с какими связано становление монотеистических религий, понятие «вера» и «верность», а также «верующий» и «верный» обозначаются одним и тем же словом»[11, с.66]. А другие близкие люди Джона (отец и Сэйра) – обыкновенные.

Функция Веры Смит в сюжете романа - «перст Божий». Именно Вера произносит имена пророков, вводя в роман текст, смысл, образы ветхозаветной Книги Пророков: «Он уготовил тебе миссию. Не беги от нее , Джонни. Не прячься в пещере, как Илия, и не заставляй Его посылать большую рыбу, чтобы она проглотила тебя. Не делай этого , Джонни,»[5, с.130]. Упоминание о большой рыбе, посланной Богом, - это история ветхозаветного пророка Ионы, пожалуй, самая известная из книг Ветхого Завета. В тексте романа «Мертвая зона» Иона и «история Ионы» упоминаются трижды .

«История Ионы» присутствует в композиционной структуре романа не как локальный или локализованный эпизод, но в качестве фабульной истории, которая определяет динамику развития композиционной структуры. Линия позитивного героя кодируется именно ветхозаветной «историей Ионы», заставляя читателя обращаться к «Книге пророков» и сравнивать две истории – ветхозаветную и современную.

История пророка Ионы входит в цикл ветхозаветных книг так называемых «малых пророков». Исследователи и комментаторы Ветхого Завета предполагают, что Книга Ионы написана человеком преклонных лет о событиях, произошедших с ним в молодые годы. Вся «история Ионы» рассказана в Книге с иронической интонацией по отношению к Ионе - человеку: страх Ионы перед Божьим заданием, его бегство от Бога, горячая молитва перепуганного Ионы во чреве кита – левиафана, внезапная привязанность к чудесному растению, раздражительность – «огорчился, даже до смерти...»[10,с.67]. Забыт только один факт – жители Ниневии приняли решение покаяться после проповеди Ионы, значит, Иона был убедительным и талантливым проповедником. Но Иона - рассказчик смиренен, отсюда и самоирония в «истории Ионы», а Бог велик: Иона прячется за величием Божьим. Завершается Книга Ионы словами Бога о Его любви к грешным жителям города Ниневии. Именно это завершение делает Книгу Ионы притчей о любви Бога ко всем Его творениям и о природе Ионы – человека. В англоязычном мире «история Ионы» широко известна, есть детские книжки для воскресных школ с «историей Ионы»: «Любой из этих образов может украсить обложку книги об Ионе... Но к недавно изданной книге для детей иллюстрации этих сюжетов вряд ли подойдут...»[10, с.80]. Вводя «историю Ионы» в качестве легко читаемого подтекста в композиционную структуру своего романа, Кинг знал, что читатели с детских лет знакомы с этой частью ветхозаветной Книги Пророков, а значит, дидактика будет понята читательской аудиторией.

Джонни, послушно сказавший «Да, мам!»[5, с.76], начинает путь постижения своей миссии и природы полученного «дара». Он думает, анализирует, сопротивляется, обличает: «Ну да, конечно. Господь Бог неподражаем. Он вышиб меня через ветровое стекло такси: я сломал ноги и пролежал почти пять лет в коме, а трое других людей погибли на месте. Моя девушка вышла замуж. У нее сын, который мог быть моим, от юриста, лезущего из кожи вон, чтобы попасть в конгресс и там вместе со всей честной компанией кататься на большом игрушечном электропоезде. Стоит мне пробыть на ногах два часа подряд, и ощущение такое, будто кто-то взял

огромную спицу и вогнал мне ее в пятку до самого паха. Господь Бог – просто шутник. Большой шутник, он создал не мир, а какую-то комическую оперу, в которой стеклянный шар живет дольше, чем ты»[5,с.192- 193].

Джонни не шарлатан, торгующий своим «даром», не пифия, вещающая в трансе одержимости : «Свт. Иоанн Златоуст объяснял разницу между языческим прорицанием и ветхозаветным пророчеством: «В капищах идольских, когда кто бывает одержим нечистым духом и прорицал, то как бы ведомый и связанный, был увлекаем духом и несколько не сознавая того, что говорил. Гадателю свойственно быть в исступлении, терпеть принуждение и насилие, увлекаться и неистовствовать, как бесноватому. А пророк же не таков, он говорит все с трезвой душою и здравым рассудком, зная , что он говорит»[6, с.111].

Богохульствует ли школьный учитель Джон Смит, предъявляя Творцу такие обвинения, грешит ли , отказываясь от своей миссии? Отнюдь. Для выполнения миссии самосознание личности должно соединиться с замыслом Божиим: «...пророк, встречаясь с Божественным ликом, никогда своего «я» не теряет»[8,с.44]. На пути этого осознания – соединения возможны поиски, сомнения, разочарования. Обыкновенный Джон Смит , наделенный необыкновенным даром предвидения, проходит многократные испытания. Подобно библейскому Ионе, он возрастает в осознании своей миссии. Жуткие преступления маньяка – полицейского Фрэнка Додда заставляют Джона покинуть «свою норку»: «Все дело в газетной заметке. Я сказал себе : Джонни живет в тех краях. И еще я сказал себе : пять убитых женщин .Две девочки. Молодая мать. Учительница младших классов, любившая Браунинга. Предельно банальная история. Правда? Настолько банальная, что из нее, пожалуй, даже нельзя сострять фильма или передачи для телевидения. И тем не менее все правда. Особенно жаль учительницу. Засунули в трубу , как мешок с отходами»[5,с.198]. Школьный учитель Джон Смит действует в своем пространстве, дважды спасая детей и осознавая свою силу, прежде чем подойдет к главному – спасению страны, а может быть, и мира. «И было слово Господне к Ионе вторично»[10, с.94]. Грязная и банальная история Фрэнка Додда , въехавшего в вечность на забрызганном кровью унитаза, ассоциируется в сознании Джонни с историей политического восхождения политика Грега Стилсона из Нью Гэмпшира : «Разве не искал он все это время политический аналог Фрэнка Додда. Да. Именно так. Ему показалось, что игру в смеющегося тигра – под шкурой зверя человек- Стилсон вывернул наизнанку. Здесь под шкурой человека скрывался зверь»[5,с.298]. Сюжетная линия со знаком плюс

– история позитивного героя – пересечется с сюжетной линией со знаком минус – историей Грега Стилсона.

Снова Джон Смит сомневается и анализирует. Он составляет планы, чертит схемы и производит опросы. Ветеран Первой мировой войны, ветхий старец со скрюченными артритом пальцами, бесхитростно отвечает на вопрос Джонни о том, чтобы он сделал, чтобы остановить политическое восхождение Гитлера: « Я бы вонзил нож в этого убийцу, прямо в его черное и лживое сердце, - сказал Маркстоун. – Я бы воткнул нож по самую рукоять, а потом повернул бы , вот так. – Он медленно повернул руку с ножом сначала по часовой , потом против часовой стрелке, на лице его появилась странная улыбка, и стали видны гладкие , как у младенца десны. – Но прежде, - сказал он,- я бы смазал лезвие крысиным ядом» [5, с. 223].

В книге Кинга фабула завершится так же жестко и правдиво, как в жизни, в истории с сенатором Лонгом: Стилсон окончит свою карьеру политической смертью, а Джон Смит – смертью физической: его растерзает охрана Стилсона.

Отец Александр Мень отмечает, что «история Ионы» завершается словами Бога о любви ко всем людям без разделения их на иудеев и язычников, рабов и свободных, мужчин и женщин, благочестивых людей и грешников. Перед нами предыстория Нового Завета : «...этой нотой и завершается пророческая проповедь. Тем самым она подготавливает приход Нового Завета, который уже обращен ко всему миру»[8 , с.54]. Таким образом, финал повествования о ветхозаветном пророке Ионе – это надежда для всех людей, надежда на любовь Бога к каждому человеку.

Композиционный финал романа «Мертвая зона» светел и дышит умиротворением: письма Джона Смита к близким , написанные перед тем, как он отправится на свою последнюю встречу со Стилсоном, нежны и лиричны, а последняя фраза в письме к Сэйре повторяется дважды - так учитель объясняет новый материал: «Каждый делает, что в его силах, а делать это надо как можно лучше... не всегда получается, но надо стараться. Сэйра , нет ничего на свете такого, что утрачивается навсегда. »[5,с.814]. И в этих словах тоже слышится надежда , которая поддерживает каждого человека. Так заканчивается роман Стивена Кинга «Мертвая зона» , написанный в жанре реалистического триллера.

Библиография.

1. Андрей Чемоданов Исследование творчества Стивена Кинга.- [http :// www.stefenking.ru](http://www.stefenking.ru).
2. .Евгений Новицкий И Бог подстерегает нас. Пророк из Америки не приходит?- [http: // www. stephenking. ru](http://www.stephenking.ru)
- 3.Максим Далин Стивен Кинг, или Мастер и Маскультура. – [http: // www. stephenking. ru](http://www.stephenking.ru).
4. Стивен Кинг Как писать книги.- [http // www. lib.aldebaran](http://www.lib.aldebaran).
5. Стивен Кинг Мертвая зона.- Москва: издательство АСТ, 2006.
6. Юрий Воробьевский Неизвестный Булгаков на свидании с сатаной.- Москва: издательство «Эксмо – Алгоритм», 2011.
7. Александр Голубчиков Страшные сказки Стивена Кинга. Фантазии и реальность. – [http//www.king@.themes/ru](http://www.king@.themes/ru).
8. Александр Мень Книга надежды. Пророки. // Александр Мень Радостная весть. Лекции. Выпуск 1.- Москва: АО «Вита-Центр», 1991.
9. Борис Невский Творчество Стивена Кинга. Мир фантастики. Книжный ряд, №51, ноябрь 2007.- [mirf. ru> articals./ art./ 2323. htm](http://mirf.ru/articals./art./2323.htm).
- 10.Гордон Дж. Кэдди Проповедник – беглец. Книга пророка Ионы.- Харьков: Библос, 2002.
- 11.Валентина Ивашева Новые черты реализма на Западе. – Москва : Советский писатель, 1986.
12. Сергій Аверинцев Софія – Логос. Словник., видання третє, виправлене і доповнене. – Київ: Спільний видавничий проект телеканалу «1+1» та видавництва «Літера і Дух», 2007.